

³⁸ Мелетинский Е.М. Палеоазиатский мифологический эпос. Цикл Ворона. М., 1979 (Серия: «Исследования по фольклору и мифологии Востока»).

³⁹ Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки... С. 18–24.

⁴⁰ Соколова З.П. Общее и особенное в религии народов Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Традиционные ритуалы и верования. М., 1995. С. 20.

⁴¹ Fitzhugh W., Kaplan S., Collins H., Ager T., Ray D., Frederick S. Op. cit.

⁴² Мелетинский Е.М. Указ. раб.

⁴³ Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки... С. 43–44.

⁴⁴ Там же. С. 602.

⁴⁵ Сергеев Д.А. Указ. раб. С. 107–108.

⁴⁶ Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки... С. 67–70.

⁴⁷ Там же. С. 67.

⁴⁸ Там же. С. 602.

⁴⁹ Арутюнов С.А., Крупник И.И., Членов М.А. Китовая аллея. Древности островов пролива Сенявина. М., 1982.

⁵⁰ Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки... С. 600–601.

⁵¹ Литке Ф. Путешествие вокруг света. Ч. II. СПб., 1835. С. 149.

S.V. Gus'ev. Archaeology and Folk of Asian Eskimo

The author uses the folk materials for more detailed interpretation of archaeological data, excavated in Deznevo (Kaniskake) site of the Asian Eskimo (more 2500 things). Numerous Eskimo tales and legends reflect the way of living, subsistence and perception of environment Eskimo people. The fragments which are devoted to whale hunting concern with numerous details of harpoons and other tools. Indeed the description of application various tools and vessels helps to understand the using of derived pottery and bone tools. Notes about the house features and planning helps to identify archaeologically discovered subterranean dwellings. Some tables contents the description of ceramic industry process.

The folk materials are specific but useful sources for interpretation of archaeological data.

The article contents a lot of illustrations of various bone and wooden tools and figures.

© 1997 г., ЭО, № 4

К.В. Цеханская

ИКОНА В РУССКОМ ДОМЕ

В наше беспокойное время, когда наперекор многому Россия возрождается духовно, необходимо осознание самого ценного в православной традиции. Такое осознание дает возможность хотя бы частично восстановить старое и создать плодотворную атмосферу для становления прочного основания религиозного самосознания русского народа.

О русском благочестии писали многие отечественные и иностранные писатели и путешественники. «Все русские люди непременно попадут во святые, они превосходят своей набожностью самих пустынножителей», – полушутливо писал сирийский священнослужитель в XVII в.¹ Глубокая религиозность русских и в последующие века сохранила особый отпечаток, отличавший ее не только от Запада, но и от Востока. Содержание русской веры своеобразно и национально, поэтому весьма важен вопрос о взаимоотношении быта с церковно-обрядовыми установлениями в народной жизни. В этой связи определенный интерес представляет тема бытования икон. Икона – неотъемлемая часть русской народной традиции. Православному христианину образ Божий сопутствовал от рождения до смерти и имел большое значение в духовном становлении личности.

Бытование икон в доме специально не затрагивалось в научной литературе. Отдельные замечания применительно к изучению более широких тем можно встретить в

работах Л.А. Успенского, Г.П. Дурасова, М.М. Громыко, Т.А. Листойвой, Л.А. Тульцевой и других исследователей, которые описывали русский быт в прошлом и настоящем². О бытовании икон сообщается в жизнеописаниях подвижников благочестия XVIII–XIX вв.³.

Данная статья написана главным образом на основе материалов (рукописей) корреспондентов о крестьянах Центральной России за 1896–1900 гг. (по заказу организатора Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева). На вопросы анкеты Бюро с разной степенью подробности отвечали учителя земских школ, деревенские священники и другие служители церкви, иногда по долгу службы находившиеся в сельской местности чиновники, т.е. люди, непосредственно жившие в деревне.

Иконы «участвовали» во всех жизненных ситуациях, поэтому и упоминания о домашних святынях встречаются едва ли не во всех разделах анкеты. Однако для темы бытования икон особый интерес представляли вопросы, связанные с духовной жизнью: иконопочитание; отношение к церкви и религии; почитание святынь, праздничных дней; легенды и случаи, записанные со слов крестьян; суеверия.

В жизни каждого человека дом играл огромную роль, поэтому в русской традиции иконы занимали особое место: к ним прикладывали новорожденных; иконой благословляли на брак, в дорогу, в солдаты, освящали дом, перед иконами братались и божились; находили утешение в горестях; служили молебны в праздники и во времена несчастий.

На молитву православные христиане вставали лицом к востоку, откуда поднимается солнце. Поэтому красный угол, где ставили иконы, находился, как правило в переднем, противоположном от печки, восточном или юго-восточном углу⁴. В рождественском тропаре сам Христос называется «Высотой Востока», а в других молитвах говорится, что «Восток имя Ему». Традиция молиться на восток ведется с апостольских времен. Делается это в знак того, что желающий креститься стремится к свету, в Царство Божие, ища Христа, который «есть Восток свыше» (Лук. I, 78). «Вся земля да поклонится Господу» (Пс. 65,4), «возшедшему на небо небес на востоки» (Пс. 67,34), «поклонимся на место, идеже стояете ноге Его» (Пс. 131,7). И еще: «Стану ноге Его ... на горе Елеонстей, яже есть... на восток» (Зах. 14,4). Так говорили пророки, потому что на востоке надеялись снова обрести Эдемский рай и с востока ожидали второго пришествия Христа.

Известный исследователь и корреспондент Этнографического бюро Тенишева В. Добровольский отмечал, что в Бельском у. Смоленской губ. образа ставят «на восход или на полдень». Подобные замечания встречаются и в других описаниях. Однако если дом располагался иначе, иконы ориентировали на ближайшую церковь⁵.

Дом христианина являлся домашней церковью, освященной святыми иконами. Так было в боярских палатах, царских дворцах и крестьянских избах. Сохранились описания устройства царских палат первых Романовых, где среди прочих покоев была крестовая или моленная комната.

Утро заставало государя в крестовой, где иконостас состоял из множества икон, богато украшенных золотом, жемчугом, драгоценными камнями. Почти перед каждым образом – восковые свечи и лампады. Здесь же хранилась просфора Пресвятой Богородицы, обладающая благодатной силой. Ее ставили во время трапезы на стол, а по бокам помещали подсвечники с восковыми свечами⁶.

Час солнечного восхода был первым часом дня. Государь вставал рано, часа в четыре утра. После туалета выходил в крестовую, где его ждал духовник. Приняв благословение последнего, царь начинал утреннюю молитву, а затем прикладывался к образу святого, память которого праздновалась в тот день. Духовник окроплял царя святой водой, привозимой из отдаленных монастырей и церковей, прославившихся своими чудотворными иконами. Воду эту называли «праздничной», так как освящалась она в храмовые праздники, установленные в память тех святых, во имя которых были сооружены храмы. Многие приходские храмы по окончании праздника доставляли икону праздника, просфору и святую воду в восковом сосуде во дворец лично царю.

Иногда эта святыня подносилась на выходе государя в церквях, во время богомолья. Оканчивал царь день снова в крестовой, где он, как и утром, молился около четверти часа. Царица также начинала и оканчивала свой день в моленной, слушая и выполняя «домовное правило»⁷.

Многие молельные, или моленные комнаты русских царей со временем превращались в приходские церкви. Так, одна из церквей Московского Кремля – церковь Распятия Христова над Верхоспасским собором – бывшая крестовая царя Алексея Михайловича – с 1681 г. стала церковью. Высокий иконостас этой маленькой церкви состоит из особых икон. Все образа четырех ярусов составлены из шелковых тканей и шиты царевнами, а лики и руки написаны на холсте в XVII в. и наклеены на полотно. Такая техника называлась «живописью по тафтам», т.е. из шелка в технике аппликации.

Благовещенский собор Кремля также считался домовым храмом московских великих князей, и в документах XV–XVII вв. его часто именовали «соборной церковью Благовещения Пресвятыя Богородицы, что у великого государя на верху», или «на сенях», так как храм соединялся с государевыми палатами. А во времена Ивана Грозного, когда собор уже был перестроен, стал каменным и девятиглавым, один из приделов, по преданию, был личной моленной Ивана IV, который после четвертой женитьбы не имел прямого доступа к церковной службе. В Москве было много таких домовых церквей, которые впоследствии превратились не только в приходские церкви, но даже в монастыри. Таков был, например, московский монастырь Всех скорбящих Радости на Новослободской улице, открытый в 1890 г. Он был назван по имени домово́й церкви, которую в 1865 г. устроила основательница монастыря княжна Александра Владимировна Голицина⁸.

Не только у царей, но и у зажиточных людей были специальные комнаты, называемые «образницы», «божницы», «крестовые». В этих комнатах находилось больше икон, чем в других. Сюда собирались домочадцы: члены семьи, прислуга. Хозяин как глава семьи читал вслух утренние молитвы. Зажигали лампы и свечи, курили ладан. Иногда таким образом читались заутрени и часы. Кто мог петь, пел. Некоторые богатые люди имели свои домовые церкви со священниками, находившимися на жаловании. Если позволяли средства, был и дьячок, который пел и надзирал за церковью. После утреннего богослужения священник кропил всех святой водой.

Над крыльцом или воротами дома православного христианина всегда помещалась икона как защита от злых людей, их недобрых помыслов, всякой нечести, а также как знак исповедания веры и отличия жилища православного от жилищ иноверных. Входившие и выходившие осеняли себя крестным знамением или молились о сохранении дома и о благословении свыше входов и выходов. Известный путешественник XVII в. А. Олеарий писал, что московские жители и на улицах беспрестанно молятся или перед иконами, стоящими на воротах, или перед крестами церковей⁹.

Над воротами обычно делался навес, а под ним помещали икону Спасителя, какого-либо святого или икону Божией Матери Неопалимая Купина, которая, по убеждению русских людей, особенно помогала и избавляла дома почитающих и молящихся Ей от пожаров. Корреспондент Н. Мендельсон из Зарайского у. Рязанской губ. отмечал, что «на воротах каждого дома всех приокских сел обязательно прибит деревянный образ». В этой местности преобладали иконы св. Николая и Казанской Божией Матери. В с. Дедикове в домах, находящихся в приходе Казанской церкви, над воротами помещался исключительно образ Казанской Богоматери. Иконы помещались не только над входом в дом, но и в сенях, где их часто было не меньше, чем в доме. Там ставили небольшие образки, а также деревянные или металлические кресты¹⁰.

Большим событием в жизни русского человека являлась покупка или постройка нового дома. В народе говорили, что «при покупке лошади полагается к ней узда, при покупке дома – икона». Корреспондент А. Власов из Новгородской губернии сообщал, что, выбрав место для постройки нового дома, «хозяин должен помолиться на все четыре стороны, потом стать на середину этого места, три раза перекреститься и

каждый раз говорить: "Дай, Господи, стать на святое место". В Пензенской губ. при закладке дома соблюдался следующий обычай. Хозяин клал на стулья четыре бревна для первого и основного венца, ставил в переднем углу зеленую веточку березы, а к ней приставлял икону со свечой. Затем вся семья вместе с плотниками молилась. После этого хозяин помещал серебряную монету в выемку бревна под передний угол, а ладан в овечьей шерсти под матку (верхнюю балку). Все это делалось, по утверждению крестьян, для увеличения «хозяйского» богатства и изобилия в доме.

Иногда после укладки четырех первых венцов приглашали священника, чтобы он отслужил молебен. В другом уезде этой же губернии при постройке нового дома под бревно клали старую маленькую иконку. Считалось, что через нее Бог оградит дом от пожара. «Чтобы хлебушка родился и в дому водился», в Смоленской губ. при закладке дома под святой угол сыпали рожь. А в Рязанской губ. говорили, что при этом хорошо вспоминать четырех евангелистов¹¹.

В Вологодской губ., если в новый дом переходил младший член семьи, он должен был непременно получать благословение от старшего в доме. Благословляли иконой. Вот как описывает корреспондент П. Дилакторский из Кадниковского у. Вологодской губ. благословение матери на переход в новый дом: «Мать умылась, зажгла перед иконой свечу и прилепила ее, взявши в руки икону со свечой, стала меня благословлять, я упал в ноги, и она сказала такое благословение: "Дай тебе Господи, мое дитяко Васильешко, талан да счастье жить с Богом в новом дому!" После этого помолились все Богу, я поблагодарил матушку за благословенье, за хлеб, за соль, со всеми попрощались и стали просить матушку проводить меня до нового дома»¹².

В Ярославской губ. церемония перехода в дом заключалась в том, что вся семья переходила общей группой и обязательно ночью, чтобы никто не видел и не испортил новой жизни дурным глазом или какими-нибудь колдовскими чарами. Впереди несли «благословенную родителями» икону с зажженной свечой. По пути хозяин нового дома вызывал к окошку двух или трех соседей, чтобы получить от них доброе напутствие и пожелание счастливой жизни в новом доме¹³.

В Новгородской губ. хозяин и хозяйка вдвоем входили в дом, беспокоясь о том, «каково будет житье в новом доме – богато или бедно, счастливо или несчастливо». Для того чтобы узнать это, пользовались своеобразным гаданием. Хозяин дома с иконой и караваем в руках отворял дверь избы и, не переступая порога, ставил каравай на пол ребром, а затем толкал его в сторону переднего угла. Вслед за этим он зажигал восковую свечу, ставил икону на божницу и смотрел: «если карвай прикатился в святой угол – это хорошо, в угол к печке – нехорошо, если он лежит вниз верхней выпуклой стороной – не к добру, наоборт – к счастью».

Во многих других областях России на новоселье входили в дом с иконой и хлебом-солью; образ ставили на божницу и молились с затепленными свечами¹⁴. Так, в системе обрядов при строительстве дома – будь то благословение, закладка дома, новоселье или суеверие – икона всегда если не определяла ситуацию, то во всяком случае занимала почетное место.

Охранительницей от пожаров, происходящих от молний, считалась икона Пресвятой Богородицы Неопалимая Купина. Если случался пожар, с этой иконой ходили вокруг загоревшей избы, чтобы огонь утих и не перекинулся на соседние дома. Если обойти с иконой горящий дом, огонь, по утверждению очевидцев, обязательно пойдет не на строения, а вверх. Корреспондент С. Климентов из Ярославской губ. писал: «Мне случилось быть свидетелем, как волновались крестьяне во время пожара их деревни, отыскивая такую икону и, не найдя ее, пришли в страшное отчаяние. Во время грозы они обыкновенно молятся иконе Успения Божией Матери, чтобы предохранить дом от ударов молнии. Для последней же цели зажигают нередко богоявленские свечи». Зажигали также «христовскую» свечу, с которой стояли в пасхальную заутреню. В Рязанской губ. считали: чтобы молния не ударила в дом, надо в начале грозы зажечь перед образом свечу, с которой был в церкви на Двенадцати Евангелиях, в Страстной четверг¹⁵.

Для предотвращения пожаров и поражений молнией молились также образу св. Никиты Новгородского. Будучи епископом, святой своей верой творил чудеса, «низводя дождь и угащая пожары». Но не только упомянутые иконы были известны в народе как помощники от пожаров. Известен случай со Страстной иконой Божией Матери. В Москве 20 февраля 1547 г. около церкви Зачатия св. Анны в Китай-городе случилось два пожара. Бедствие истребило множество домов, среди которых невредимым остался только один деревянный дом, где находилась Страстная икона Богородицы. Для современников и очевидцев этого события несомненным было то обстоятельство, что дом этот сохранился благодаря Божьему Промыслу и что благодать свыше была дана через образ. Очень скоро весть о чудесном событии дошла до Ивана Грозного, и после пребывания во дворце, где икона прославилась чудотворениями, по царскому приказу ее перенесли в Зачатьевскую церковь и поставили в иконостас с левой стороны от Царских врат¹⁶. От «огненного запаления и молниеносного грома» молились также перед иконами Божией Матери Иерусалимской, Иверской и Троеручицы.

По народным приметам, если от жара икона треснет, хозяину не миновать смерти. Случалось, что иконы не успевали вынести из огня, и тогда, по наблюдениям очевидцев, над домом возвышался столб пламени в виде свечи – точно такой же, какой возникал, когда в горящей избе оказывался человек.

Как уже говорилось, в каждой деревенской избе в горнице имелся святой угол, где на полочках стояли иконы. Место это называли по-разному: передний угол, красный, сутний, кут, тябла, зябло, часовни, божницы, киоты¹⁷. В Тульской губ. божницей называли ящик под полкой с иконами, в нем хранили восковые свечи, ладан, книги. В Инсарском у. Пензенской губ. божница представляла собой украшенный «шкапчик» с двумя полками, который привешивался таким образом, что вместе со стеной образовывал треугольник. Иногда его делали со стеклянными дверцами, которые отворяли во время молитвы, «чтобы молитва скорее доходила до Бога». И наоборот, когда в семье делались небогоугодные дела – пели песни, плясали и т.п., то иконы задергивали шторкой («застенок»), чтобы перед ними не представало мирское беснование¹⁸. Во многих губерниях (Вятской, Пензенской, Олонецкой и др.) божницу делали резной со скульптурными изображениями херувимов и голубей, раскрашивали красками. Нередко на наружной и внутренней сторонах створок киота писались сцены из священной истории и изображались святые¹⁹.

Чем зажиточнее хозяин, тем икон у него, как правило, больше. Красный угол всегда находился как в горнице, так и в других комнатах, а также на кухне, если она была; в переднем углу стояла одна или несколько икон. У богатых людей все образа помещались в отдельных киотах, и весь святой угол и образующие его стены от пола до потолка были заняты иконами, иногда в два ряда. «Вишь, како у нас святе – в церковь не ходи!» – говорили крестьяне²⁰. По составу икон на божнице можно было «прочитать» духовную историю семейного рода, крестьянской общины и даже целого края. Каждый православный старался иметь у себя три образа: Спасителя, Божией Матери и св. Николая Чудотворца (Николая Угодника). Состав других икон варьировался в зависимости от жизненных обстоятельств. Их можно определить примерно следующим образом: чудеса явления святых икон в данной области; местнотимые святые; близость монастырей, где покоятся мощи святых; особенности хозяйственной деятельности; традиции, связанные с миграционным прошлым; местные праздники (престольные, в честь каких-либо деревенских событий); иконы святых, имена которых носили члены семьи; семейные традиции; личные предпочтения.

Из Священного Предания известно, что Пресвятая Богородица возлюбила Русь и пожелала стать «страны нашей Преславной Защитницей и Церкви наша утверждением». Ее первые иконы были написаны апостолом Лукой. Одни из них попали на Русь, другие дошли в списках. Образ Божией Матери всегда был в божницах русских людей, причем нередко в разных иконографических вариантах: например, икона Казанской Божией Матери могла стоять рядом с Ахтырской. В божницах часто

ставили образа, которые считались покровителями и заступниками данных городов и губерний. Так, в Костроме такой иконой была Божия Мать Феодоровская, в Кие-ве – Печерская, во Владимире – Боголюбская, в Смоленске – Смоленская, в Мос-кве – Владимирская, в Санкт-Петербурге – Казанская.

Образ св. Николая Чудотворца занимал особое место в крестьянских божницах. «Нет икон, как Никол», – говорили в народе, как бы подчеркивая значимость образа любимого святого. Если у бедного крестьянина в доме имелся только один образ, то чаще всего это была икона Николая Угодника. «Микола – тот же Бог», – можно было услышать от крестьян²¹. В русской православной традиции св. Николай почитался как самый старший и самый близкий к Богу святой угодник, обладающий исключительной благодатью. В православной церкви Николай Угодник – прежде всего чудотворец, поэтому в уставной памяти святым апостолам и святителям Николаю апостолы извещают от «тьмы неразумия» словом, а св. Николай – от «нашествия бед» «лучами чудес». Великий Угодник помогает людям, погибающим в море всех скорбей и бед. В народном сознании он считается покровителем брака, животных, особенно лошадей, а также охранителем всех путешествующих на суше и на море. Поэтому как бы в малом деисусном чине домашних божниц после Спасителя и Божией Матери вме-сто Предтечи, как полагается по церковным канонам, чаще можно было видеть икону св. Николая Чудотворца.

Русские люди всегда очень любили и чтили своих местных святых. Так, например, в д. Тикненское Вологодской губ. в крестьянских божниках стояли иконы Спасителя, Божией Матери, св. Николая Чудотворца, св. Георгия, св. Пантелеймона. Почти в каждом доме помещали образ прп. Феодосия Тотемского. Его мощи покоились в Тотемском Спасо-Суморинном монастыре в 50 верстах от деревни. Ежегодно множество крестьян из волости отправлялось в монастырь на богомолье, и каждый раз кто-то приносил иконку любимого святого себе на божницу. В с. Покровском Чере-повецкого у. Новгородской губ. у крестьян побогаче непременно имелись иконы угодников Кирилла Белозерского, Кирилла Новоезерского, а также Зосимы и Сав-ватия Соловецких. В Ольховской волости этой же губернии в передний угол всегда ставили иконы Спасителя, Божией Матери, Николая Чудотворца, а также иконы местных праздников. Очень часто встречались иконы св. Георгия Победоносца и святых братьев страстотерпцев Бориса и Глеба. Кроме того, особо почиталась икона «Похвала Богородицы». Этот чудотворный образ находился в женском Леушинском монастыре. Летом в монастырь стекались тысячи богомольцев, особенно когда проездом на родину там останавливался известный пастырь о. Иоанн Кронштадтский, впоследствии канонизированный. Почитание о. Иоанна еще при жизни было столь велико, что в некоторых деревнях его портрету молились как иконе²².

Народные воззрения на покровительство некоторых святых тем или иным делам иногда отличались от церковных. Например, известно, что святые бессребренники Косма и Дамиан традиционно почитались как целители людей и скота. Кузнецы и ювелиры также чтили их память. Святым молились «о прозрении разума к учению» и об укреплении семейного счастья. Именно этим святым и архангелу Михаилу отдавали предпочтение в с. Кармалейка Пензенской губ. В память Космы и Дамиана был освящен главный престол приходской церкви. Они, по убеждению местных крестьян, некогда научили людей обрабатывать землю. Поэтому даже во время обеда в поле крестьяне молились святым и приглашали их откусать вместе с ними. Здесь же бытовали местные названия святых, как бы распределенные по времени года и некоторым обстоятельствам жизни. Алексей Божий человек именовался «с гор вода», св. великомученик Георгий – «Егорий с кормом», св. Фалалей – «огуречник», Рождество Иоанна Предтечи – «Иван-купальник»²³.

Состав икон в домашней божнице, как уже отмечалось, складывался в зависимости от многих жизненных обстоятельств. Одним из них было соответствие, некоторая идентичность с составом икон в приходской церкви или деревенской часовне. Таким образом в доме создавалась своя «малая церковь». Т.А. Бернштам попыталась

проследить тенденции взаимодействия народных и церковных традиций на примере состава часовенных икон Двинско-Важского ареала²⁴. Есть основания предполагать, что церковно-часовенный состав икон соответствовал бытованию таких же икон в домах рассматриваемой области. Однако этот вопрос требует специального исследования.

Обращаясь к прошлому русского крестьянства, Т.А. Бернштам удалось установить, что состав икон варьируется в зависимости не только от хозяйственного комплекса, но и от мировоззренческих традиций, часто связанных с миграцией. Так, хозяйственная структура этих мест складывалась по скотоводческому типу, поэтому там, где например, преобладало коневодство, наиболее распространенными были образы Флора и Лавра (покровителей коневодства, по народным представлениям), а также некоторых других святых, изображаемых на конях: Дмитрия Солунского, Бориса и Глеба и даже Георгия, который считался покровителем как диких, так и домашних животных. В тех местностях, где разводили крупный рогатый скот, особо почитали иконы святых Ильи, Власия и Модеста, в земледельческих районах – образ Спаса. Иногда вместо последнего преобладали образы святителей Петра или Николая.

Бытовавшая в Центральной Руси киевская иконографическая традиция была перенесена в Двинско-Важский ареал переселенцами из Верхневолжского бассейна. Тут распространились такие образы, как Спас Нерукотворный, Божия Матерь типа «Оранта», Деисус (Спаситель, Богоматерь и Иоанн Предтеча), Владимирская, Смоленская, Боголюбская иконы Божией Матери, Борис и Глеб, Дмитрий Солунский. Более поздняя волна переселенцев из Великого Новгорода «принесла» с собой образы св. Софии, Богоматери типа «Знамения», святителей Николая, Петра и Павла, Флора и Лавра (в новгородском иконописном варианте), св. Параскевы²⁵.

В русской традиции бытовала особая иконография для семейных икон, где в центре обычно располагается фигура почитаемого святого, а рядом с ним или на полях значительно меньших размеров писали тезоименитых святых или покровителей семьи, лиц, которым принадлежала икона. Одной из известных ранних таких икон XIV в. был образ святителя Николая с предстоящими святыми, очевидно, соименными семье заказчика²⁶.

Истории известны случаи, когда семейные иконы становились общерусскими святынями или почитались, например, по всей Сибири. Таков чудотворный образ Святителя Николая из с. Ипатово, расположенного недалеко от Томска. В 1604 г. казак Ипат Попов со своим семейством переселился из Европейской части России в Сибирь. Там после нескольких переездов большая семья обосновалась в тайге, неподалеку от мест пушного промысла. Весь далекий путь в Сибирь Ипат пронес с собой глубокопочтимую семейную икону Николая Чудотворца. С годами почитание образа росло и, наконец, вышло за пределы семьи. Сначала с усердием стали почитать образ томские ямщики, которые пасли своих лошадей в ипатовской тайге. По их свидетельствам, молитва перед образом помогала им в бедах. Тогда правнуки Ипата поставили икону в амбар, чтобы дать возможность страждущим беспрепятственно приходить к ней. Число богомольцев росло, многие приходили издалека и даже брали с собой священника. Со временем после чудесных событий, связанных с иконой, для нее выстроили часовню, где каждый год бывали сотни паломников²⁷.

Икона Касперовской Божией Матери тоже первоначально находилась в семье. Поселившийся в конце XVI в. в Херсонском уезде сербский князь Урош привез ее из Трансильвании. Переходя от родителей к детям, этот образ в 1809 г. стал собственностью помещицы Касперовой. От иконы происходило много чудес и исцелений, вследствие чего ее признали чудотворной. К образу Богоматери потянулись паломники. В 1852 г. жители Херсона ходатайствовали о разрешении ежегодно в праздник Вознесения приносить к ним этот чудотворный образ. В своем с. Касперовском икона пребывала не более трех месяцев в году, в остальное время ее носили с крестным ходом в Одессу, Николаев, Херсон и другие южные города России²⁸.

Прославилась чудотворениями и другая, бывшая раньше в одной семье Боголюбская икона из с. Юрьевского Калужской губ. Первоначально образ принадлежал стольнику Борису Батурину, которому он был подарен в награду за особые заслуги перед государством. Петр I предложил ему самому избрать любую награду, но Батурин отказался от всего и просил императора благословить его иконой Боголюбской Богоматери, которая находилась в придворном храме. Его просьба была исполнена. С тех пор икона стала собственностью семьи Батуриных и переходила из рук в руки по наследству. В 1771 г., когда икона еще принадлежала юрьевским помещикам Загряжским, случилась эпидемия моровой язвы. Зная особое отношение к семейному образу, прихожане местного храма попросили разрешения взять икону Богоматери для крестного хода вокруг своих деревень. После этого, по свидетельству сельчан, язва прекратилась. Узнав о чуде, жители Малоярославца также обошли город с чудотворной иконой, и здесь распространение болезни прекратилось. В 1838 г. образ Боголюбской Богоматери перешел по владению приходского храма с. Юрьевского²⁹.

Кроме собственных икон в доме бывали и такие, которые составляли достояние всей деревни. Эти образы заказывали на общий счет по какому-либо особенному случаю: в честь избавления от пожара, падежа скота или эпидемии. Чаще всего на подобных иконах изображались святые, память которых совпала с днем случившегося события. Размер их почти всегда был большой. Хранили святыню по очереди во всех домах погодно и во время крестных ходов носили вместе с церковными иконами. Как правило, существовал и местный праздник по случаю такого события, который сопровождался молебном («обещанные», или «обреченные дни»).

Описателями крестьянского быта зафиксированы и случаи не признанного церковью почитания икон в домашних условиях. Корреспондент Н. Люстров сообщил следующий случай из Инсарского у. Пензенской губ. Местный крестьянин шел по дороге в поле и на роднике нашел плавающую икону. Обрадованный необычайной находкой, он принес ее домой и объявил односельчанам, что икона явленная и что он видел ее даже во сне. Ведь издавна известно, что многие явленные иконы находили именно таким образом. Однако местные власти и священник недоверчиво отеслись к случившемуся и запретили крестьянину рассказывать об этом. Тем не менее слух о чудотворной иконе быстро разнесся, и почитание образа стало совершаться негласно в доме крестьянина. Иногда ночью икону брали в другой дом, чтобы, погрузив ее в воду, обмыть потом больного³⁰.

Подлинной домашней церковью были крестьянские божницы. По народным воззрениям, они приобретали благодаря находившимся здесь иконам особую благодатную силу. Здесь хранились просфоры, пучки троицкой березки, кусочек ладана, разные, как говорили богомольцы, "святости", принесенные из святых мест: ладанки, огарки от свечек, горевших у мощей праведников; маленькие иконки. С. Нилус записал интересный рассказ странницы Матренушки, принесшей ему в дар святыни из Киева, среди которых была шапочка со святых мощей Иоанна Многострадального. «У нас, у странников, в обычае, как придет время уходить из Киева, мы собираем в складчину заказать обедню о здравии и за упокой своих благодетелей в пещерской церкви... После обедни служивший иеромонах стал нас оделять разной святыней: мне досталась иконочка и шапочка с Преподобного...»³¹.

В крестьянской божнице стояла и святая вода, причем, крещенской придавалось больше значения, чем воде, освященной при молебне. Издревле считалось, что богоявленская вода имеет огромную благодатную силу. В старину ею даже причащали, когда не было Святых Даров, и хранилась она у священнослужителей. Святая вода считалась целебной, крестьяне верили, что она не портится, если к ней не будут прикасаться нечистые руки. Святой водой опрыскивали корм для скота, подливали в питьевую воду, в колодцы. На полочке помещали также пасхальные, богоявленские и венчальные свечи домохозяев. Нередко венчальные свечи хранились в киоте за стеклом иконы Спасителя или Богоматери – той самой, которой благословляли перед свадьбой.

Пчеловоды берегли за иконами восковую свечу, принесенную из церкви от утрени в Страстной четверг. Она предназначалась для весеннего выставления ульев на пчельник (17 апреля). Считалось, что поставленная посередине пчельника свеча обеспечивает осенью обильный медосбор и оберегает от сглаза недоброжелателей³². Освященную вербу хранили за образами до Вербного воскресенья следующего года, после чего сжигали и заменяли новой. Весной этой вербой скот в первый раз выгоняли в поле. В Керенском у. Пензенской губ., если отец или мать, придя от заутрени в Вербное воскресенье, заставляли детей спящими, то хлестали их вербой, чтобы они были здоровы. При этом родители приговаривали:

Верба хрест,
Бит до слез,
Здоровому младость,
На велику радость.

Иногда на божницу клали и первое яйцо, которым христосовались на Пасху. В Керенском у. Пензенской губ. у каждого хозяина такое яйцо лежало до следующей Пасхи, им все семейство разговлялось. Верили, что если яйцо не испортилось, год пройдет счастливо. В любом случае – испортилось оно или нет – его следовало съесть. Четверговая соль, пережженная в Великий четверг, издавна считалась целебной, поэтому и ее хранили на божнице.

Полевые цветы, побывавшие в церкви, засушивали и также хранили за иконами на разные случаи: клали в житницу и под свежее сено, чтобы не водились мыши, в норы на грядки от землероек и на чердак, чтобы уберечься от пожаров. Бытовало убеждение, что сушеные цветы и трава, которая устилала церковный пол на праздник Троицы, имеют особые свойства. Ее берегли под божницей и при необходимости добавляли в корм для больных домашних животных. По убеждению крестьян, на случай болезни неплохо окуривать больного благовонным дымом от порошка «священного цвета», чтобы недуг быстрее прошел. Этим же «духом» знающие «всякое слово и всякое зелье» люди брались изгонять бесов из «порченных» и кликуш.

За иконами держали помянники и различные духовные, божественные, как называли их крестьяне, книги: Евангелие, Псалтирь, Часослов. В Тотемском у. Вологодской губ. даже в неграмотных семьях считалось, что «иметь их в доме хорошо». Нередко среди таких книг в крестьянской избе можно было встретить и апокрифическую литературу, например, «Сон Богородицы», «Хождение Богородицы по мукам», «Страсти Христовы», «Сказание Климента, папы римского, о 12 пятницах». За божницей прятали и особо ценные для семьи вещи: письма от сына солдата, важный документ, просто старинный стакан или лампу³³.

Любили и украшать иконы. Перед большими праздниками божницу мыли. Причем в Тихвинском у. Новгородской губ. воду, которой мыли святой угол, выливали тут же, в переднем углу, и считали большим грехом выплескивать ее в другом месте. После красный угол оклеивали чистой бумагой или дешевыми шпалерами. Корреспондент И. Боголюбов сообщал, что в Инсарском у. Пензенской губ. на стене переднего угла можно было видеть множество пестрых бумажек от конфет, лоскуты комнатных обоев и даже газеты и старые журналы. Рядом с божницей нередко наклеивали картинки на «божественные» темы, купленные у офеней. Саму же полку оклеивали белой или цветной бумагой, вырезанной фестонами.

Бытовало и особое украшение для переднего угла – так называемый теремок. Он представлял собой многоугольную фигуру из соломок: подбирали прямые соломки без колосьев, затем соединяли одной ниткой и придавали теремку любую форму. Углы фигурки сначала украшали ситцевыми и красными лоскутами, а затем ее подвешивали к потолку против икон. В Краснослободском у. Пензенской губ. теремки имелись в каждом доме, их меняли 2 раза в году – перед Рождеством и Пасхой. Такие же украшения можно было встретить и в Болховском у. Орловской губ., там они именовались соломенными люстрами. А в Скопинском р-не Рязанской обл. их делают и по

сей день, называя фонариками. Их изготовлением традиционно занимались дети, однако подчас за неимением детей и взрослые с удовольствием давали волю своей фантазии.

«На Пасху или Рождество Христово любо смотреть на божницу! Ризы вычищены, блестят, перед каждой иконой разноцветные лампы. В каждом доме есть глиняная курильница для ладана, а у многих медная, заменяющая церковное кадило»³⁴. Крестьяне придавали большое значение курению ладаном, и такие глиняные ручные кадильницы имелись у зажиточных крестьян. По праздникам в кадильницу клали горячие угли, ладан и ставили под образа С ней же совершали каждение в тех местах, где замечали какую-нибудь нечисть³⁵. Перед образами ставили одну или несколько лампад. Висячие лампы в крестьянских избах встречались гораздо реже. Чаще это был стеклянный стаканчик с фитильком внутри. Однако если имелась лампадка, то и ее старались украсить – привешивали голубков из яичной скорлупы: к пустому яйцу с маленькими дырочками прикреплялась восковая головка, а крылья и хвостик мастерили из сложенных веерообразно, часто цветных бумажек. Делали и деревянных голубков, которых подвешивали к потолку. Здесь же можно было увидеть подвешенное сахарное, фарфоровое или красное яйцо, принесенное из церкви на Пасху.

Во многих областях России образа украшали полотенцами. Обычно ими покрывали верх иконы или всей божницы. Свисающие по краям концы полотенца богатые люди украшали жемчугом, дробницами (металлическими блестками) и даже драгоценными камнями. Иногда на полотенцах вышивали изображения святых. Однако так было не везде. В Тотемском у. Вологодской губ., например, иконы редко украшались полотенцами. В некоторых деревнях на Пасху после молебна с водосвятием матери умывали детей святой водой, утирали полотенцем и вешали его в красный угол к иконе Божией Матери. Иконы украшали также рушниками, на которых жених и невеста стояли при венчании³⁶.

Возможно, украшение икон полотенцами ведет свою историю с глубокой древности, когда появилась первая христианская икона «Спас на убресе». В русской традиции это день «третьего Спаса» (16 августа), когда в церкви вспоминают перенесение в 900 г. из Эдессы в Константинополь Нерукотворного Образа Спасителя. В народе праздник называется «полотняным», или «Спасом на холстах», «холщовым». В некоторых местах Сибири и Центральной России в этот день освящали домотканые полотна. Это церковное чествование святого убруса, т.е. того «четверосвитого» полотна, на котором нерукотворно отпечатался Божественный лик Спасителя для благочестивого царя Авгаря, в народном быту соединилось с торгом полотнами. На Волге известна такая поговорка: «Первый Спас – на воде стоять, второй Спас – яблоки есть, третий Спас – на зеленых горах холсты продавать».

Помимо рушников и полотенца божницу украшали ситцевыми лоскутами, как, например, в Балховском у. Орловской губ., а также вырезанными из бумаги кружевами и такими же разноцветными цветами. Причем, их нанизывали на проволоку и прикрепляли сверху образов, а выше вешали рушники. Святой угол украшали на все праздники. Во время некоторых праздников, например, на Троицу (празднуется на 50-й день после Пасхи и называется еще Пятидесятницей, или Сошествием Святого Духа на апостолов) святой угол украшался особым образом. Троица обычно бывает поздней весной или ранним летом в пору благодатного цветения природы. По народному обычаю издавна было принято украшать дома и особенно иконы ветками березы, живыми цветами, травой. Все это служило напоминанием православным о Мамврийской дубраве и Авраамовой куще, где некогда явился Троиединый Бог. Ветви и цветы как ростки возобновляющейся весны несли к иконам, но они служили также и символом Церкви, которая обновила людей с явлением в ней благодатной силы Святого Духа³⁷.

Благоговейное отношение к переднему углу было составной частью религиозно-нравственной жизни русских людей прошлых веков. Иностранцы путешественники, в

частности С. Герберштейн, бывший в Москве при князе Василии Ивановиче (XVI в.), отмечали большую набожность русских и писали, что они, приходя в гости, обыкновенно снимают шапку в дверях, ищут глазами не хозяина, а иконы, становятся посреди горницы, 3 раза крестятся, кланяются иконам, произнося вслух: «Господи, помилуй!» Затем они обращаются к хозяину с приветствием: «Дай Боже здравия тебе и домочадцам твоим!» Если кто-нибудь по забывчивости не снял шапку, ему напоминали в несколько грубоватой форме: «Тут не кабак, а шапка – не колпак, вот образа». В крестьянской среде иконы часто называли «богами», поэтому можно было услышать замечание и такого рода: «Что ты шапку-то не снимаешь, чай, боги ведь в избе-то».

Корреспонденту А. Власову из Новгородской губ. случилось быть в избе, когда в ней велась уборка к празднику и иконы не были поставлены на место. «В избу вошел сосед и, не видя на божнице икон, сказал: "О-о! Да у вас и богов-то нет!" И не помолился так, как молятся обыкновенно в этом случае (делают по крайней мере три поясных поклона), а только раз перекрестился, не мотнув головой»³⁸.

Отсутствие в доме икон или плохой за ними уход считались безбожием. В присутствии икон не только всегда снимали шапку, но и не курили или, в крайнем случае, курили так, чтобы дым не шел в передний угол. Старались не произносить бранных слов: «Бога ты не боишься!» или «Сказал бы я те, да только вон...» – и указывали на иконы. К иконам относились особо: их брали в руки, перекрестившись; новые образа или перенесенные из другого дома ставили только по окроплении их священником; спиной к иконам не садились и маленьких детей старались не пускать в передний угол, чтобы они там не шалили. Ложиться ногами к иконам считалось большим грехом, да и вообще в переднем углу ложились спать крайне редко – клали лишь особенно набожных людей и детей³⁹. Место под образами считалось самым почетным, поэтому там садился глава семьи или уважаемый гость. Здесь же усаживали жениха с невестой, под образами ставили и гроб с покойником.

Корреспондент из Череповецкого у. Новгородской губ. сообщал, что родные не разрешали ему ложиться на печку или полати, а укладывали на лавку под иконы, в передний угол. По поверью, бытовавшему в этих местах, «по ту сторону матицы умирающего нельзя оставлять», потому что при исходе души из тела в избе находятся ангел и дьявол: первый – «по эту сторону матицы», т.е. в передней части избы, второй – «по ту сторону матицы», в задней половине избы. И смотря по месту, на котором лежит умирающий, душа его может попасть в руки либо ангела, либо дьявола. Так, если больной лежит не в переднем углу, то и «не особенно грешную душу может раньше ангела перехватить дьявол». Если же умирающий лежит под иконами в красном углу, к нему «дьяволу подходить не дозволено, даже грешная душа может попасть в руки ангела». Между ангелом и дьяволом начинается борьба и, «если последний не возьмет "верха", то есть не отобьет у ангела душу, ангел будет сопровождать ее по мытарствам 40 дней и, наконец, отнесет в рай»⁴⁰.

В любых жизненных ситуациях человек обращался к иконам. М.М. Громько подробно описала замечательный древний обычай побратимства, или крестового братства⁴¹. Первые письменные свидетельства о нем относятся к XI в. До XVII в. обычай освящался церковью и существовал в основном в крестьянской и казачьей среде. В 80-е годы XIX в. побратимство еще существовало. Так, в с. Дмитровка Херсонской губ. на второй день Пасхи решившие побрататься люди приходили в дом одного из участников события, снимали икону с божницы, «били поклоны», целовали образ и потом друг друга. После угощения шли в гости ко второму названному брату, но перед уходом хозяин вручал своему побратиму одну из лучших своих икон, часто специально купленную. То же происходило в доме другого названного брата. Икона в обряде побратимства была как бы гарантом в закреплении религиозно-нравственного акта братской взаимопомощи и поддержки⁴².

Или другой пример. Свадьба, пожалуй, – самое радостное событие в жизни русских крестьян. К свадьбе долго готовились, ее весело и в то же время чинно праздновали,

помнили всю жизнь и всегда с удовольствием о ней рассказывали. Иконы в русском свадебном обряде также играли большую роль⁴³. После родительского благословения, которое в некоторых регионах России, например в Кадниковском и Грязовецком уездах Вологодской губернии называлось «образовкой» (от слова «образ», т.е. икона), происходил обряд рукобитья – закрепления данного обещания. Если девушку выдавали замуж поневоле, она плакала, просила не отдавать ее и не зажигать свечи перед образом. Случалось так, что с отчаяния она подбегала к переднему углу и гасила свечу. Но родительская воля была, как правило, сильнее: свечу зажигали снова, а девушку старались уговорить. Решенное дело отмечали так называемым *пропоем* (иначе – заручины), а в Костромской и Рязанской губерниях – «богомольем»⁴⁴. Брачный договор мог считаться заключенным только после того, как помолятся Богу⁴⁵. Любое важное дело в доме совершалось перед иконами с зажженными свечами.

В день свадьбы буквально каждый шаг сопровождался иконой: и проводы невесты для одевания в соседнюю избу, и благословение перед венцом, и вне дома – в свадебном поезде. В церкви жених с невестой целовали иконы сначала на венцах, а потом на амвоне. После венчания родители также встречали молодых с иконой и сажали их под образа.

В святом углу заканчивался жизненный путь православного христианина. Чувствуя приближение смерти, глава семьи благославлял иконой родных и просил положить его в передний угол, «чтобы легче умирать». После кончины покойника «собирали» на столе или лавке перед образами, мужчинам на грудь или в левую руку клали образок Спасителя или Николая Угодника, женщинам – иконку Божией Матери. Покойного клали головой в передний угол или наоборот: «так, чтобы смотрел на иконы». Церковных установлений на этот счет нет, поэтому чаще преобладала местная традиция⁴⁶.

Поскольку иконы «участвовали» во всех жизненных делах русских людей, бытовали и всякого рода суеверия. Так, один крестьянин из Пензенской губ. рассказывал, что, купив у странника-монаха две иконы якобы из самого Иерусалима, он поставил их на божницу. Поскольку иконы были со Святой Земли, освящать их не стали. «Вдруг ночью [владелец] слышит, что в божнице произошел шум. Крестьянин встал, засветил лампаду и видит, что свои иконы валяются на лавке, столе и на полу, а иерусалимские лежат в божнице. Утром он всем рассказывал, что у него русские иконы ночью бились с иерусалимскими и эти последние наших победили».

В Ярославской губ. бытовало поверье: если икона трещит – это не к добру, если она явится во сне – придется вспоминать о каком-либо грехе. Во многих краях считали, что избу необходимо мести с кута (переднего угла) и сор после заката солнца не выкидывать, потому что «тогда с сором все выкинешь»⁴⁷. Для того чтобы семье сопутствовали счастье и удача, в Смоленской губ. под иконы подвешивали так называемую рубашку младенца. В народе «рубашкой» называли оболочку, в которой иногда рождаются дети. Поскольку это случалось очень редко, считалось, что такие младенцы будут счастливы в жизни. «Рубашку» высушивали и хранили в специальном мешочке⁴⁸.

Наша современница Ольга Васильевна Ушакова, живущая в Лекшмозерье, сильно горевала о пропаже своей почитаемой иконы св. Макария, которая досталась ей от деда-священника. «Прошлый год кто-то забрался, украл, – рассказывала она. – А икона просилась, несколько раз выпадала из божницы. А я не разгадала, и никто не подсказал... Только потом поняла: это она просилась унести». Известны и другие случаи выпадения из божницы иконы, после чего происходили неприятности в доме. Так, у сельчан Гуциных, живущих в Шацком р-не Рязанской обл., есть икона Божией Матери. По семейным преданиям, она неоднократно падала с божницы перед смертью кого-нибудь из членов семьи⁴⁹.

У русских издавна велось: «снять образ со стены» – значит принести самую верную клятву. Это означало поклясться всей жизнью, памятью предков, своих детей и освященным домом, где находилось Божье Око. Присутствие в доме икон

поддерживало в православном человеке нравственный порядок, который боялись нарушить при таких свидетелях. Если случалась ссора или какая-нибудь неурядица, говорили: «Хоть святых выноси», т.е. иконы. В такой ситуации дом становился недостойным присутствия в нем святых. Ведь именно в доме, где была семья, дети учились любить, верить, жертвовать, узнавать мир. В родительском доме закладывались основы личности, которые могли вести как к спасению, так и к гибели души. Семейная «лаборатория» всегда базировалась на традициях и духовном опыте предков, через них шло приобщение к вере, которая была нравственным законом для отдельного человека и общества в целом.

Революция и последовавшие за ней годы безбожия привели к тому, что из многих домов исчезли иконы отцов и дедов, прославленные семейными чудесами, иконы, перед которыми столетиями молились в радости и в горе. Но и в годы гонений оставались дома, в которых теплились лампы перед заветными образами. Современные исследователи отмечают, что в сельской местности «не встречено ни одного дома, даже из числа выстроенных в 30-50-е годы нашего столетия, в котором бы отсутствовала божница»⁵⁰. Многолетние полевые исследования М.М. Громыко и Л.Н. Чижиковой подтверждают этот тезис. В самосознании русских осталась вера, которая порой неосознанно проявляется в повседневной жизни. Икона в доме и раньше, и теперь означает «активное начало в церковном поведении» человека, веру в идеалы православия.

Примечания

¹ Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. Вып. 2. М., 1896–1900. С. 48.

² Успенский Л.А. Богословие иконы православной церкви. 1989; Дурасов Г.П. Каргополье. М., 1984; Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991; Тульцева Л.А. Традиционные верования, праздники и обряды русских крестьян. М., 1990; Мелехова Г.П., Носов В.В. Традиционный уклад Лекшмозерья. Ч. II. М., 1994; Листова Т.А. Заметки о русской свадьбе // Русские народные традиции и современность. М., 1995. С. 114; *её же*. Похоронно-поминальные обычаи русских. (На материалах Псковской и Смоленской областей) // Похоронно-поминальные обычаи и обряды. М., 1993. С. 51; Бернштам Т.А. Локальные группы Двинско-Важского ареала: Духовные факторы в этно- и социокультурных процессах // Русский Север. СПб., 1995. С. 208; Православие и русская народная культура. Кн. 1–6. М., 1993–1996.

³ Жизнеописание отечественных подвижников благочестия 18–19 вв. Т. 1–12. М., 1907–1910.

⁴ Архив Российского этнографического музея (далее – АРЭМ). Рукописный отдел. Ф. 7 (Тенишева). Оп. 1. Д. 357. Л. 10.

⁵ Там же. Оп. 1. Д. 1540. Л. 17.

⁶ Забелин И.Е. Как жили в старину русские цари. М., 1991. С. 4.

⁷ Забелин И.Е. Домашний быт русских цариц в XVI–XVII вв. Новосибирск, 1992. С. 141.

⁸ Паламарчук П. Сорок сороков. Т. 1. М., 1992. С. 350.

⁹ Олеарий А. Описание путешествия в Московию. СПб., 1906. С. 326.

¹⁰ АРЭМ. Ф. 7. (Тенишева). Оп. 1. Д. 1343. Л. 33; Д. 1888. Л. 7.

¹¹ Там же. Оп. 1. Д. 834. Л. 9; Д. 1296. Л. 56; Д. 1285. Л. 24; Д. 1353. Л. 27; Д. 1693. Л. 19; Д. 1449. Л. 34.

¹² Там же. Оп. 1. Д. 246. Л. 5.

¹³ Там же. Оп. 1. Д. 1833. Л. 5; Д. 834. Л. 11; Д. 141. Л. 6; Д. 1410. Л. 18.

¹⁴ Там же. Оп. 1. Д. 1833. Л. 6; Д. 1783. Л. 35; Д. 1815. Л. 5; Д. 1463. Л. 37; Д. 1307. Л. 15; Д. 906. Л. 17; Д. 1493. Л. 6.

¹⁵ Там же. Оп. 1. Д. 1446. Л. 11; Д. 1502. Л. 21; Д. 1783. Л. 40.

¹⁶ Чудотворные иконы Матери Божией. Т. II. М., 1993. С. 510.

¹⁷ АРЭМ. Ф. 7 (Тенишева). Оп. 1. Д. 1467. Л. 6; Д. 693. Л. 18; Д. 1308. Л. 87; Д. 441. Л. 10; Д. 214. Л. 23; Д. 1693. Л. 40; Л. 1285. Л. 30; Д. 1307. Л. 17; Д. 572. Л. 12; Д. 1642. Л. 4; Д. 1693. Л. 18; Д. 357. Л. 10; Д. 262. Л. 6; Д. 600. Л. 15.

¹⁸ Устои. 1882. № 1. С. 111; АРЭМ. Ф. 7 (Тенишева). Оп. 1. Д. 1307. Л. 17; Д. 282. Л. 14; Д. 1296. Л. 40; Д. 1517. Л. 71; Д. 1502. Л. 20.

¹⁹ АРЭМ. Ф. 7 (Тенишева). Оп. 1. Д. 1308. Л. 87; Д. 883. Л. 4; Д. 416. Л. 18; Д. 214. Л. 23; Д. 693. Л. 19; Д. 1502. Л. 20.

- ²⁰ Там же. Оп. 1. Д. 1307. Л. 16.
- ²¹ Там же. Оп. 1. Д. 832. Л. 2.
- ²² Там же. Оп. 1. Д. 883. Л. 4; Д. 796. Л. 11. М.М. Громыко также отмечает, что в Зарайском у. Рязанской губ. портреты Иоанна Кронштадтского были в каждой избе. См., *Громыко М.М.* Указ. раб. С. 118.
- ²³ АРЭМ. Оп. 1. Д. 376. Л. 6; Д. 832. Л. 2; Д. 1332. Л. 19.
- ²⁴ *Бернштам Т.А.* Указ. раб. С. 269.
- ²⁵ Там же. С. 289, 296.
- ²⁶ *Вознесенский А., Гусев А.* Житие и чудеса св. Николая Чудотворца и его слава в России. СПб., 1899. С. 115.
- ²⁷ Там же. С. 582.
- ²⁸ Чудотворные иконы Матери Божией. Т. II. С. 627.
- ²⁹ Там же. Т. I. М., 1993. С. 351.
- ³⁰ АРЭМ. Оп. 1. Д. 1807. Л. 2; Д. 262. Л. 7; Д. 1377. Л. 22.
- ³¹ *Нилус С.* На берегу Божьей реки. СПб., 1996. С. 11.
- ³² АРЭМ. Оп. 1. Д. 1467. Л. 4; Д. 1757. Л. 12; *Коринфский А.А.* Народная Русь. М., 1995. С. 413.
- ³³ АРЭМ. Оп. 1. Д. 1892. Л. 6–7; Д. 368. Л. 4; Д. 1341. Л. 36; Д. 1357. Л. 11; Д. 1332. Л. 25; Д. 178. Л. 39; *Коринфский А.А.* Указ. раб. С. 210, 286.
- ³⁴ АРЭМ. Оп. 1. Д. 1307. Л. 17; Д. 1467. Л. 4; Д. 758. Л. 9; Д. 1714. Л. 23; Д. 1349. Л. 68; Д. 1693. Л. 19; Д. 706. Л. 14; Д. 214. Л. 23.
- ³⁵ Там же. Оп. 1. Д. 1349. Л. 68; Д. 790. Л. 22; Д. 917. Л. 14; Д. 63. Л. 2; Д. 1307. Л. 17.
- ³⁶ Там же. Оп. 1. Д. 790. Л. 23; Д. 467. Л. 19; Д. 1783. Л. 40; Д. 1787. Л. 2; Д. 1307. Л. 17; Д. 1004. Л. 10; Д. 1693. Л. 19; Д. 368. Л. 4; Славянские древности. Т. I. М., 1995. С. 461.
- ³⁷ *Степанов Н.П.* Народные праздники на Святой Руси. СПб., 1899. С. 67; *Макаренко А.* Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. Восточная Сибирь. СПб., 1913. С. 149; АРЭМ. Ф. 7 (Тенишева). Оп. 1. Д. 790. Л. 23; Настольная книга священнослужителя. Т. 4. М., 1993. С. 682.
- ³⁸ *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 121; АРЭМ. Ф. 7 (Тенишева). Оп. 1. Д. 1307. Л. 17; Д. 572. Л. 12; Д. 603. Л. 21; Д. 1783. Л. 40; Д. 832. Л. 2; Д. 1307. Л. 20.
- ³⁹ АРЭМ. Ф. 7 (Тенишева). Оп. 1. Д. 1389. Л. 24; Д. 1307. Л. 14; Д. 1369. Л. 14.
- ⁴⁰ Там же. Оп. 1. Д. 840. Л. 5.
- ⁴¹ *Громыко М.М.* Указ. раб. С. 130–141.
- ⁴² Там же. С. 139.
- ⁴³ *Листова Т.А.* Заметки о русской свадьбе. С. 114–153.
- ⁴⁴ В дореволюционной России существовало большое количество локальных названий этапов свадебного обряда. О свадебной терминологии см.: *Даль В.* Толковый словарь Великорусского языка. М.; СПб., 1881; *Гура А.В.* Опыт выявления структуры севернорусского свадебного обряда (по материалам Вологодской губернии) // Русский народный свадебный обряд. Л., 1978. С. 12–89.
- ⁴⁵ АРЭМ. Ф. 7 (Тенишева). Оп. 1. Д. 246. Л. 41; Д. 216. Л. 5; Д. 567. Л. 15; Д. 588. Л. 17; Д. 1439. Л. 15.
- ⁴⁶ Там же. Оп. 1. Д. 63. Л. 7; Д. 216. Л. 124; Д. 1833. Л. 4; Д. 65. Л. 49; Д. 699. Л. 16; *Листова Т.А.* Похоронно-поминальные обычаи русских. С. 51.
- ⁴⁷ АРЭМ. Ф. 7 (Тенишева). Оп. 1. Д. 1307. Л. 16; Д. 832. Л. 2; Д. 1030. Л. 21; Д. 1642. Л. 4; Д. 1783. Л. 40–41.
- ⁴⁸ См.: *Листова Т.А.* Ребенок в русской семье. Рождение и крещение. Вторая половина XIX – начало XX в. // Обычаи и обряды, связанные с рождением ребенка. М., 1995.
- ⁴⁹ *Мелехова Г.Н., Носов В.В.* Указ. раб. С. 166; Архив автора.
- ⁵⁰ *Мелехова Г.Н.* Религиозность православного населения Каргополя в XIX – начале XX в. // Православие и русская народная культура. Кн. 5. М., 1995. С. 196.

К.V. T s e k h a n s k a y a. Icon in Russian House

The article considers the existence of icons in Russian house. The author stresses that icons take the special place in the Russian tradition. The house of Orthodox Christian was a home-church sanctified by saint icons. The icons were used to give blessing to marriage and journey, to consecrate house etc.